

Содержание

От автора	9
-----------	---

Мелочи академической жизни

Обслуживая графа	13
Vivat academia	14
Слово Андроникова	16
Тревожный звонок	18
Два Александра	20
Сумерки демократии	22
Omnia mea mecum porto	25
1810 рублей	27
Противопожарное	31
Подчеркнуто вежлив	33
О марксизме в египтологии	35
Хорошее отношение к котам	37
Рыбы в парадном	38
Отец и сын	42
Петербургские зонтики	43
Малой кровью	45

Вопросы литературы	48
Анатомия истории	49
Vox populi	51
Газовый вопрос	53
Местоблюститель	55
Русские звуки	56
Искусство и действительность	58
Без права на улыбку	61
Правда о Шлимане	64
Римские каникулы	68
Двойные стандарты	71
Пристрастие к Броделю	74
Дикие люди	77
Ошибка рецензента	78
Ученые – строителям	84
Подземный мир	87
Вредные привычки	90
Мало приятного	93
Сеанс с разоблачением	97
Легкое дыхание	99
Литературоведы в блокаду	100
Дом и остров	104

In memoriam

Постижение свободы	123
Добрый человек из Петербурга	133
Эпоха Лихачева	138
Лев Александрович	163
Кунсткамера в лицах	171

Моя бабушка и королева	
Елизавета (<i>заметки к юбилею</i>)	183
Протоиерей Александр Нечаев	192
День рождения Коли	202
Инструмент языка	213

Мы и наши слова

Перечитывая Унбегауна	223
Люди на своем месте	234
Госкомаббревиатура	242
Трудности русского языка	252
Нужна ли языку защита?	287
Мы между реальностью и мифом	293

Вопросы и ответы

О себе	307
О «Соловьеве и Ларионове»	323
О «Лавре»	332
О литературе	349
Об истории и обществе	366

От автора

Публикуемые в этой книге тексты возникли в разное время и в разных условиях. Не ощущая до поры своего родства, они беспечно существовали порознь. Некоторые издавались («Новая газета», «Независимая газета», журналы «Звезда», «Огонек» и др.), некоторые – нет. Какие-то из них вообще не были записаны и вели вольный устный экзистенс. Соединив их под одной обложкой, я почувствовал, что небольшое это собрание не лишено внутренней драматургии. Думаю, что от скопления людей и слов иного результата ждать не приходилось. Люди и слова сосуществуют, вступают в непростые отношения, а порой («от всего человека вам остается часть речи») незаметно переходят друг в друга. При таком положении вещей довольно сложно установить, человек породил слово или – что вовсе не редкость – сам порожден им.

Дом и остров, или Инструмент языка

Люди этой книги предстают по преимуществу в облике ученых. Ошибается тот, кто считает, что об этом облике (поблескивание очков, скрипучее «бэтенька») всё известно. Жизнь ученого полна опасностей и тревог, в ней есть свои землетрясения и цунами. Ее описанию посвящены короткие рассказы и эссе. Претендуя на достоверность, обозначу эти тексты загадочным словом «нон-фикшн». Как и положено, они основаны на письменных и устных источниках, не говоря уже о собственных наблюдениях повествователя. Некоторые из них, впрочем, успели покрыться тем налетом фольклорности, который отчасти снимает проблему соотношения реальности и вымысла.

Становясь в значительной степени феноменом словесности, герои публикуемых текстов неизбежно подводят к разговору о *словах*. Слова в этой книге разные: слова-аббревиатуры, слова-заимствования и слова-мифы. Слова-комментарии. Слова-рекомендации (начиная с определенного возраста хочется поучать) относительно того, как со словами обращаться. Тем, кто развивает язык самостоятельно, к рекомендациям прислушиваться не обязательно.

**Мелочи
академической
жизни**

Обслуживая графа

В дни варшавского Съезда славистов несколько его участников зашли пообедать в ресторан «Под крокодилом». С официантом общался Александр Михайлович Панченко, знавший польский язык. Десерт заказали все, кроме Дмитрия Сергеевича Лихачева. Официант переспросил, кто именно не будет заказывать десерта. Александр Михайлович ответил, что заказывать десерта не будет граф. Без особенных уточнений ответил, что называется, не указывая пальцем. Именно такой ответ Александру Михайловичу (а он редко ошибался) показался в тот день уместным. Официант принес десерты всем – кроме Дмитрия Сергеевича. В ресторане «Под крокодилом» графов определяли безошибочно.

Vivat academia

В прежние времена сотрудники Института русской литературы (Пушкинского Дома) имели обыкновение выезжать в совхоз «Федоровское». В сентябре они собирали там турнепс. Турнепс, выражаясь шершавым языком «Википедии», – кормовая репа, растение из семейства капустных. Иногда собирали картофель, насильно введенный Екатериной. Реже – петрушку. Литературоведы стояли на грядках и связывали петрушку в пучки. От синтетических веревок на их пальцах быстро появлялись ссадины. Исследователи утешались тем, что в изучаемых ими текстах труженикам полей никогда не было легко. Впрочем, легко там не было никому.

На полях совхоза «Федоровское» сотрудникам Пушкинского Дома по большому счету не доставало одного: народа. Который они знали по русской литературе, но хотели увидеть и вне ее. Непонятно, где находи-

Мелочи академической жизни

лось местное население – может быть, стеснялось. Возможно, его просто не было.

Однажды на краю поля со стороны совхоза появились две крошечные фигуры. Приблизившись, они превратились в двух красивых девушек. Таких, какими и должны были быть девушки из совхоза «Федоровское». Полногрудых, голубоглазых. С косами. Они подошли к мужчинам Пушкинского Дома и сказали:

- Мы ищем своих. Это Академия художеств?
- Нет, – ответили мужчины. – Это Академия наук.